

Костина Екатерина Александровна

СУБСТАНТИВНО-АДЪЕКТИВНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА В БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются отдельные особенности функционирования словарной формы бенгальского глагола, называемой "глагольным именем", "основой" или "герундием-причастием". Особое внимание уделяется пассивным структурам, в которых рассматриваемая форма может проявлять как адъективные, так и субстантивные черты. Наблюдения и выводы иллюстрируются примерами из классической и современной бенгальской прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 117-120. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. **Стройков Ю. М., Шкалик В. А.** Защита сельскохозяйственных культур от болезней: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1988. 342 с.
14. **Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.** Общая терминология: вопросы теории. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
15. **Табанаква В. Д.** Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дисс. ... д. филол. н. Тюмень, 2001. 288 с.
16. **Татарин В. А.** Теория терминоведения: в 2-х т. М.: Московский Лицей, 1996. Т. 1. 311 с.
17. **Фирсов И. П., Соловьев А. М., Трифонова М. Ф.** Технология растениеводства: учебник для вузов. М.: Эксмо, 2006. 325 с.

**AGRONOMIC TERMINOLOGY OF FIVE BASIC COURSE BOOKS
FROM THE VIEWPOINT OF THEMATIC AND NON-THEMATIC CLASSIFICATIONS**

Komovskaya Elena Vital'evna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg State Agrarian University
Komovskaya86@mail.ru

The article provides a survey of agronomic terminology of five basic course books on "Agronomy" from the viewpoint of thematic and non-thematic classifications. The author shows visually the correlation of terms from the viewpoint of part-of-speech affiliation, word-formative model, source language, definitiveness and logical-conceptual meaning. The paper concludes that terminology of the mentioned textbooks tends to substantiality and replenishes at the expense of borrowed affixes and abbreviations.

Key words and phrases: agronomic terminology; definitiveness feature; logical and conceptual system; word-formative model; substantiality; cognitive approach; functional approach; semiological approach.

УДК 81-22; 81'367.625.4

В статье рассматриваются отдельные особенности функционирования словарной формы бенгальского глагола, называемой «глагольным именем», «основой» или «герундием-причастием». Особое внимание уделяется пассивным структурам, в которых рассматриваемая форма может проявлять как адъективные, так и субстантивные черты. Наблюдения и выводы иллюстрируются примерами из классической и современной бенгальской прозы.

Ключевые слова и фразы: бенгальский язык; неличные формы глагола; герундий-причастие; субстантивно-адъективная форма глагола; пассивные структуры в новоиндийских языках.

Костина Екатерина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
e.kostina@spbu.ru

СУБСТАНТИВНО-АДЪЕКТИВНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА В БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Неличные формы глагола широко представлены в новоиндийских языках. При этом ни одна из них не обладает такой специализированностью, которая позволила бы однозначно интерпретировать ее значение: трактовка формы часто зависит от специфики родного языка автора лингвистического исследования и общей направленности его изысканий. В данной статье будет осуществлена попытка более подробно осветить некогда поднятый И. А. Световидовой [7] вопрос об интерпретации словарной формы бенгальского глагола.

Словарная форма глагола в бенгальском языке образуется (в зависимости от класса корня) при помощи аффиксов *-ā*, *-oṅ-ā* или *-na/no*, например: *kar-* «делать» → *karā*, *de-* «давать» → *deoṅā*, *berā-* «выходить» → *berāna/berāno*. Эта форма появилась в результате смешения древнеиндийского перфективного причастия и отглагольного имени [17, р. 923], в результате чего она приобрела возможность выступать как в субстантивной, так и в адъективной роли: "*Gāner sur karā theke sinemāy saṅgīt paricālanā – sab biṣaṅgei tār anek abhijñatā*" [13, р. 78]. / «От сочинения мелодий до звукорежиссуры в кинематографе – во всех областях он имел большой опыт» (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. К.), ср.: "*Ātār gān ātār karā sure-i dibyī dāṅṅe yāy*" [12, р. 68]. / «Моя песня звучит божественно именно под сочиненную мной мелодию».

В большинстве русскоязычных трудов по бенгальской грамматике эта форма именуется *герундиальным причастием*, или *герундием-причастием* [2, с. 58-59]. Бенгальские грамматисты называют ее «глагольным существительным» (англ. *verbal noun*, бенг. *kriyābācak biśeṣya*) при герундиальном употреблении и «глагольным прилагательным» (англ. *verbal adjective*, бенг. *kriyābācak biśeṣan*) – при причастном и не включают в число неличных форм глагола (бенг. *asatāpikā kriyā*). Учитывая сложности, вызываемые использованием терминов классической филологии в отношении грамматических реалий восточных языков [1; 5], наиболее удачным представляется термин *субстантивно-адъективная форма* (САФ), активно используемый отечественными тюркологами [3, с. 312-314].

Принадлежность САФ к числу глагольных форм подтверждается следующими признаками: сохранение общего значения действия, видовое (перфективное) значение при адъективном употреблении, способность передавать залоговое значение, сохранение глагольного управления (например, способности принимать дополнение), возможность участвовать в аналитических пассивных и модальных структурах, способность образовывать сложно-отыменные и сложно-вербальные сочетания.

В субстантивном значении САФ сохраняет залоговое значение корня. Эта форма может выступать в функции подлежащего, дополнения или синтаксического предиката. Понятия «сказуемое» и «синтаксический предикат» различаются здесь в соответствии с концепцией В. Г. Гузева [4]. Выступая без связки, данная форма не сообщает никакой грамматической информации о субъекте действия, и поэтому ее корректнее именовать предикатом, но не сказуемым. Примеры субстантивного употребления САФ:

“Tomāder ye kāśi **yāoyā** sthir haiyāche” [22, p. 96]. / «Ведь ваша **поездка** в Каши – дело решенное».

“Śaṅkar... āṛ egiye **yāoyā** ucit bibecanā karle nā” [9, p. 15]. / «Шонкор... не счел **подобающим продвигаться еще дальше**».

“Se sab cheṛe kothāy bardhamān **yāoyā**” [11, p. 96]. / «Оставив все это, ехать куда-то в Бордхман».

САФ может принимать падежные аффиксы и оформляться послелогом и показателями определенности, характерными для бенгальских существительных:

“Āpanār ki take **darsan karār** (GEN) icche jegeche?” [21, p. 7]. / «У Вас возникло желание **увидеть** его?».

“Pṛitilātā **stabdha haye-thākā theke** berīye ese...” [19, p. 4]. / «Выйдя из оцепенения (букв. «**выйдя из пребывания в оцепенении**»), Притило...».

“Ekbār pāṭhāsālā haite bāhir haiyā punarāy **prabeś karāṭā** (DEF) *debdās nitānta apachanda kare*” [15, p. 6]. / «Выйдя единожды за пределы школы, Дебдаш очень не любит снова **входить** туда».

С модальными словами *darkār, ucit, ābaśyak, cāi* (следует, необходимо) САФ (в прямом или родительном падеже) образует конструкции долженствования:

“Ṭhik āmār mato **haoyā cāi**” [Ibidem, p. 40]. / «Нужно быть точно таким же, как я».

“Kathāṭā hayto khub kaṭhin bhābe **balār darkār chila**” [11, p. 97]. / «Сказать эти слова, наверно, **следовало с большой серьезностью**».

В адъективном употреблении САФ от переходных глаголов приобретает пассивное значение: “Biśbanāther galite dhūno gobar śyāolā loker ghām **meśāno gandha**” [21, p. 6]. / «В переулке Вишванатха – запах ладана, навоза и мха, **смешанный** с запахом человеческого пота».

САФ от непереходных глаголов сохраняют залоговые значения корня: “Haṭhāt tār pāśe **dāyāno meyeṭār dike cokh gela pṛthār**” [11, p. 99]. / «Внезапно взгляд Притхи упал на **стоящую** рядом с ней девушку».

В большинстве случаев герундиальная или причастная интерпретация словарной формы глагола не вызывает затруднений, однако ее сочетания с глаголами бытия, становления и движения позволяют двойное толкование. Эти сочетания, традиционно рассматриваемые как пассивные, нуждаются в особом рассмотрении.

Пассивные модели современного бенгальского языка можно разделить на конструкции, выражающие *статальные* и *акциональные* пассивные значения [6]. Статальный пассив передается сочетанием САФ переходного глагола в сочетании с глаголами бытия и сохранения состояния (*āch-, thākā, rahā*), который в настоящем времени может опускаться. В таких конструкциях САФ однозначно интерпретируется как причастие, формирующее предикат высказывания. Агенса обычно отсутствует или принимает форму родительного падежа; пациенс выражен именем в прямом падеже, которое выступает в роли грамматического подлежащего высказывания. Примеры:

“Kalpikār ki sab **jānā** Ø?” [11, p. 98]. / «Известно ли обо всем **Кольпике**?».

“Pralobhaner rāstā ekhano **khola āche**” [22, p. 107]. / «Путь алчности и сейчас **открыт**».

“Āṛ banduker *myāgājine sab samay... kārtrij* **bharā thāke**” [9, p. 54]. / «И в магазине ружья всегда... **находится** (букв. «**остаётся помещенным**») патрон».

Акциональные пассивные конструкции формируются на основе глагола *haoyā* (быть, становиться) (нейтрально-пассивное значение) и глагола *yāoyā* (идти, уходить) (пассивно-модальное значение). Пациент акциональной конструкции может стоять в форме прямого падежа, как и в статальных структурах: “Tābur cārpāśer lambā **ghās** (NOM)... *sāph kare deoyā hala paradinei*” [Ibidem, p. 9]. / «Окружавшая палатку высокая **трава**... уже на следующий день **была сострижена**». В то же время возможна постановка объекта в форму дательного-винительного падежа. Таким способом часто оформляются объекты, маркированные по признаку одушевленности/конкретности (имена собственные, личные местоимения, одушевленные существительные и т.п.):

“Kāgaj theke... **sonālike** (ACC) *pāṭhāno hala*” [8, p. 438]. / «От газеты... **отправили Сонали**».

“Kichudin **hājuke** (ACC)... **dekhā yāy nā**” [10, p. 98]. / «Несколько дней **Хаджу**... не видно».

“**Tāke** *sukhī karāo yāy nā, duhkha deoyāo yāy nā?*” [16]. / «**Его** и счастливым не сделать, и не огорчить?».

“Bātās (NOM) *cokhe dekhā yāy nā, kintu hāte dharā yāy. Apni bujhiye dyān to, ātmāke* (ACC) *dharā yāy ei bhābe?*” [18, p. 410]. / «Ветер нельзя увидеть глазами, но можно **потрогать** руками. Поясните-ка, можно ли таким образом **потрогать душу**?».

В случае нейтрализации признака «конкретность» пациенс-одушевленное существительное может стоять в прямом падеже: “Tāder deśe bhālo **meye** (NOM) **pāoyā yāy?**” [15, p. 70]. / «В их краях **встречаются хорошие девушки**?».

Подобное оформление пациенса вызывает неизбежные ассоциации с оформлением прямого дополнения, что, вероятно, побудило И. А. Световидову предложить несколько неожиданную на первый взгляд синтаксическую интерпретацию конструкций «САФ (в терминологии И. А. Световидовой – основа) + глаголы изменения состояния»: «В этой конструкции основа является подлежащим, субъект действия обычно отсутствует. Объект действия, выраженный дополнением, стоит в форме винительного падежа с показателем *-ke* или равен основе имени существительного» [7, с. 148]. Это означает, что в такой конструкции выступает САФ-герундий, а не причастие, в результате чего фразы со значением «Человека посадили на стул» – *mānuṣke āsane basāno hala / mānuṣke āsane basāno gela* – можно буквально перевести как «*Человека усаживание на стул произошло» и «*К человеку усаживание на стул пришло».

При такой интерпретации конструкции с глаголом *haouā* структурно сближаются с безобъектными высказываниями, где САФ-герундий выступает в роли подлежащего:

“*Kintu ār balā hala nā*” [15, p. 69]. / «Но больше ничего не произнес» (букв. «*Но еще говорения не произошло»).

“*Erpar theke prayāśai dekhā hata enār saṅge*” [12, p. 60]. / «С тех пор частенько происходили встречи с ним».

Очевидно, что в таких структурах могут участвовать и САФ от непереходных глаголов: “*Āmāder niye āsā hala jelgeṭe*” [19, p. 68]. / «Взяв нас, подошли к воротам тюрьмы» (букв. «произошел подход»).

В структурах САФ + *jāouā* также возможно употребление неличной формы непереходного глагола. В этом случае модальное значение возможности/способности (а чаще – неспособности), являющееся добавочным в собственно пассивных моделях, выходит на первый план: “*Bāro bachar par mukhomukhi dāḡāno yāsche nā*” [11, p. 99]. / «Спустя двенадцать лет невозможно стоять друг напротив друга».

Помимо возможности, структуры с глаголом *yāouā* могут передавать модальное значение уместности:

“*Kintu in pāblik seṭā balā yāy nā*” [14, p. 148]. / «Но на людях этого не следует говорить».

“*Calo ebār yāouā yāk*” [18, p. 406]. / «Пойдем, пора идти».

“*Masjide prabeś karle dui rākāt... ādāy nā kare basā yāy nā*” [20]. / «Зайдя в мечеть, нельзя (просто так) сидеть... не произнеся и пары молитв».

Здесь наблюдается сближение конструкции с *yāouā* со сходными конструкциями с другим глаголом движения – *calā*. Этот глагол сообщает высказыванию модальную характеристику уместности (чаще неуместности) предмета или действия:

“*Na binaṭ, e calbe nā*” [22, p. 10]. / «Нет, Биной, это не пойдет».

“*Kintu beśi deri karā calbe nā*” [9, p. 21]. / «Но слишком задерживаться не годится».

На первый взгляд здесь имеет место однозначно герундиальное функционирование САФ, однако возможность употребления с *calā* т.н. условного деепричастия (с исходом на *-(i)le*): “*Nisprha thākte nā śikhle pṛthār calbe ki kare?*” [11, p. 97]. / «Разве годится Притхе не научиться (букв. “не научившись”) оставаться хладнокровной?», – вынуждает признать необходимость более серьезного анализа этой структуры.

Проведенный предварительный анализ бенгальских конструкций «САФ + глаголы бытия, становления и перемещения» продемонстрировал, что в этом языке сосуществует несколько моделей, в разной степени проявляющих пассивное и модальное значение и базирующихся как на причастной, так и на герундиальной ипостасях словарной формы бенгальского глагола. Тщательное рассмотрение каждой из этих структур и определение их взаимоотношений друг с другом и похожими конструкциями других новоиндийских языков может стать предметом отдельного исследования.

Список источников

1. Балуга А. А. Классификация глагольных имен в свете «восточного» и «западного» направлений развития языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. 1. С. 23-27.
2. Быкова Е. М. Бенгальский язык. М.: Наука, 1966. 142 с.
3. Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 289-351.
4. Гузев В. Г. Опыт разработки теоретических основ описания турецкого функционального синтаксиса // Востоковедение. Филологические исследования. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. Вып. 27. С. 40-63.
5. Костина Е. А., Воловод Я. И. Инфинитив в косвенном падеже без послелого в хинди: к вопросу о частеречной интерпретации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. 1. С. 105-108.
6. Оранская Т. И. Почему *jā-* ‘уходить, идти’ используется как вспомогательный глагол в пассиве хинди? // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: сборник статей к 75-летию профессора Александра Леонидовича Грюнберга (1930-1995) / отв. ред. М. Н. Боголюбов. СПб.: Наука, 2006. С. 152-164.
7. Световидова И. А. Об изменении способов передачи пассивных значений в бенгальском языке // Вопросы грамматики бенгальского языка. М., 1964. С. 131-152.
8. Ājkāler galpa. Kalkātā: Aajkal Publishers Pvt, Ltd., 2016. 496 p.
9. Bāndopādhyāy B. Cāder pāhār. Kalkātā: Society for Natural Language Technology Research, 2014. 92 p.
10. Bāndopādhyāy B. Śreṣṭha galpa. Kalkātā, 2009. 184 p.
11. Biśbās A. Ekdin, Konodin // Ahanār galpa. Kalkātā, 2006. P. 94-100.
12. Cattopādhyāy A. Mānā De. Kalkātā: Aajkal Publishers Pvt, Ltd., 2016. 154 p.
13. Cattopādhyāy A. Śyāmal Mitra. Kalkātā: Aajkal Publishers Pvt, Ltd., 2016. 160 p.
14. Cattopādhyāy S. Agraṭhikerā. Kalkātā: Aajkal Publishers Pvt, Ltd., 2016. 226 p.
15. Cattopādhyāy Ś. Debdās. Kalkātā: Society for Natural Language Technology Research, 2014. 220 p.

16. **Cattopādhyāy Ś.** Śeṣ praśna [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ebanglalibrary.com/sharatchandra/category/উপন্যাস/শেষ-প্রশ্ন/> (дата обращения: 13.06.2017).
17. **Chatterji S. K.** The Origin and Development of the Bengali Language: in two volumes. Calcutta, 1926. Vol. 2. 1179 p.
18. **Gaṅgopādhyāy S.** Garam bhāt athabā nichak bhūter galpa // Deś. Subarnajayanti galpa saṅkalan. Kalkātā, 2010. P. 403-423.
19. **Hosen S.** Bhālobāsā Prītilatā. Kalkātā: Society for Natural Language Technology Research, 2014. 267 p.
20. **Praśnottar: Islam Question and Answer** [Электронный ресурс]. URL: <https://islamqa.info/bn/1693> (дата обращения: 16.09.2017).
21. **Rāy S.** Jay bābā Felunāth. Kalkātā, 2003. 95 p.
22. **Thākur R.** Rabindranath Tagore's Novels. Kalkātā: Society for Natural Language Technology Research, 2014. 1394 p.

SUBSTANTIVE-ADJECTIVAL FORM OF THE VERB IN BENGALI

Kostina Ekaterina Aleksandrovna

Saint Petersburg University

e.kostina@spbu.ru

In the article some features of the functioning of the dictionary form of the Bengali verb, called the “verbal name”, “stem” or “gerund-participle”, are considered. Particular attention is paid to passive structures in which the form under study can exhibit both adjectival and substantive features. Observations and conclusions are illustrated by the examples from the Bengali classical and modern prose.

Key words and phrases: Bengali language; non-finite forms of verb; gerund-participle; substantive-adjectival verb form; passive structures in the New Indian languages.

УДК 811.112.2`342

Статья посвящена изучению интонационных особенностей при выражении иронии в повествовательных высказываниях в немецком языке. При передаче данного модально-эмоционального оттенка все компоненты интонации – темп, мелодия и интенсивность – варьируются и изменяются в зависимости от многих факторов, прежде всего, к ним относятся индивидуальные характеристики говорящего, стиль произношения, который обусловлен ситуацией и, несомненно, эмоциональным состоянием и субъективным отношением говорящего.

Ключевые слова и фразы: просодия; ирония; немецкий язык; модальность; эмоциональность; коннотации; повествовательное высказывание.

Кузьмичева Анна Александровна, к. филол. н.

Зинцова Юлия Николаевна, к. филол. н., доцент

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

anna_fromm@mail.ru; zintsova@mail.ru

ИНТОНАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Интонацию относят к древнейшему обязательному компоненту структуры любого предложения. Как сверх-сегментное средство она накладывается на синтаксическую структуру и лексический состав предложения, вследствие чего она является основным просодическим средством дифференциации модально-эмоциональных значений. Модальная или эмоциональная функция интонации признается как отечественными, так и зарубежными лингвистами [4; 8; 9]. В каждом высказывании заключена определенная эмоция, которая отражает эмоциональное состояние говорящего или его желание воздействовать на слушающего. Эмоциональный аспект интонации не обязательно связан со смысловым содержанием высказывания, так как его денотативное значение неизменно, а эмоции, являясь субъективной категорией, могут варьироваться. Вместе с тем эмоциональность высказывания, несомненно, связана с его модальностью. Так, в каждом акте коммуникации отражено не только то, о чем идет речь (денотативный аспект), но и то, как говорящий относится к содержанию высказывания (коннотативный аспект). К числу объективных проявлений коннотации слова следует отнести и явления речи, которые обычно не фиксируются в словарях и грамматиках, но воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данным словом. Под модально-эмоциональной коннотацией понимается субъективное, эмоционально окрашенное отношение говорящего к содержанию своего высказывания [2, с. 32].

Модально-эмоциональные коннотации включают в себя всю гамму реально существующих в языке субъективно-эмоциональных и оценочных оттенков отношения говорящего к содержанию своего высказывания, таких как: раздражение, тревога, радость, удивление, восхищение, злость, ирония и др. Модально-эмоциональная коннотация «ирония», представляя собой перенос значения, основанный на контрастном противопоставлении формы выражения и формы содержания мысли [3], характеризуется активным интересом к ней со стороны исследователей. Средства выражения иронии в речи влияют на содержание высказывания, вызывая несоответствие